



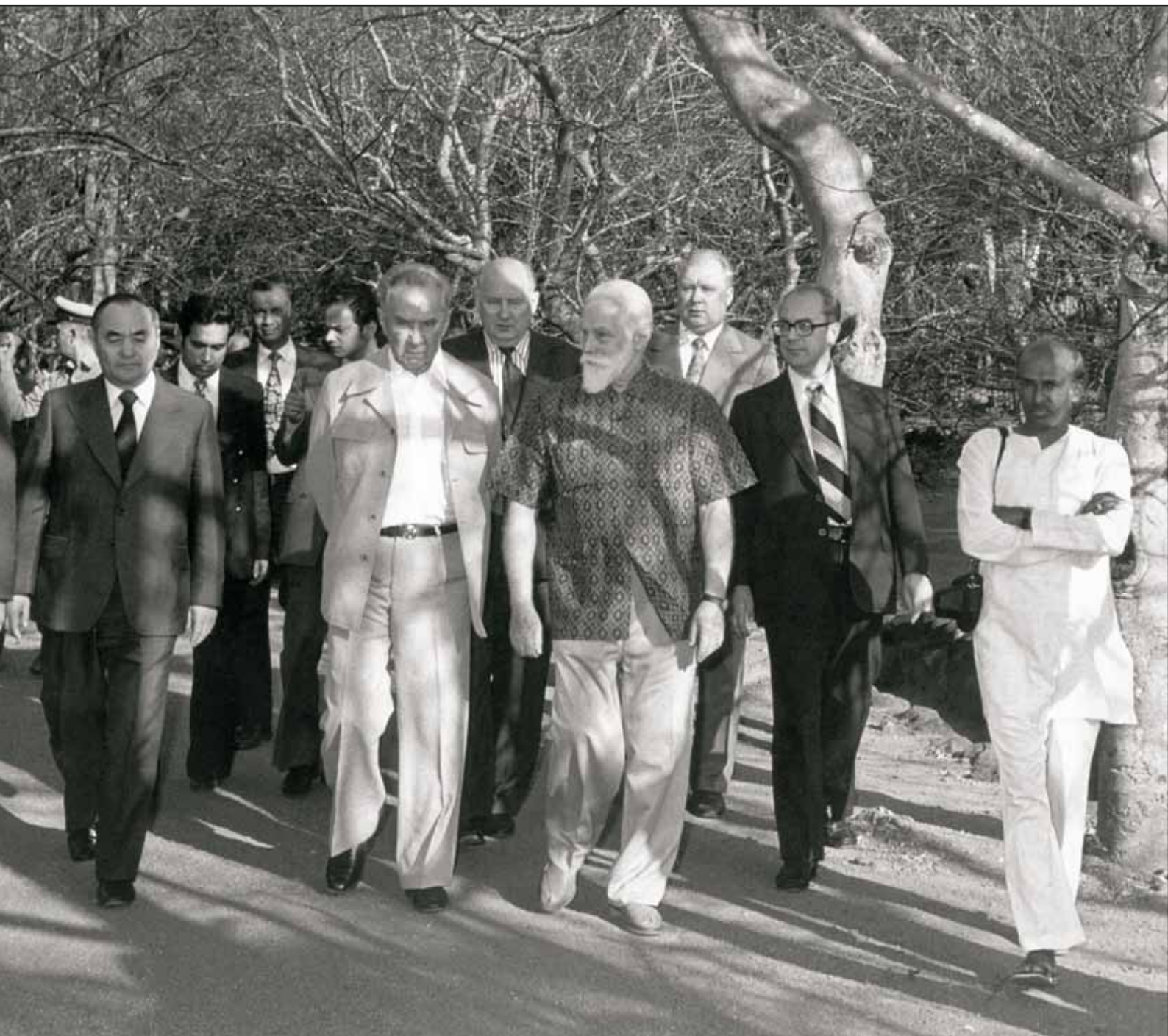
Памяти Ю.М. Воронцова



А.В. Шапошникова

Он был с нами...

Был октябрь 1979 года, и я в очередной раз приехала в Индию, на этот раз в научную командировку. План командировки был интересным, маршрут ее был сложным и захватывал Западные и Восточные Гималаи. Так сложилось, что на третий день пребывания в Дели я встретилась с нашим послом Юлием Михайловичем Воронцовым. Бывая часто в Индии, я знала почти всех чрезвычай-



В центре – С.Н. Рерих, премьер-министр правительства СССР А.Н. Косыгин, Ю.М. Воронцов. Индия, Бангалор, имение Тагауни, 1977

ных и полномочных послов Советского Союза. Воронцова я видела впервые. Из-за кабинетного стола поднялся стройный человек с густой шевелюрой золотистых волос и веселыми светлыми глазами. Он пожал мою руку и сказал:

– Так вот вы какая. – Фразу эту я не поняла и вопросительно глянула на Юлия Михайловича. – Ах да, – улыбнулся он, – я ведь не сказал, что прочел ваши книги об индийских племенах. Кстати, расскажите мне, почему вы занялись этими племенами.

И я начала рассказывать. Он заинтересованно и внимательно слушал, задавая время от времени короткие вопросы. Потом незаметно перешел к индийской культуре, которую, к моему удивлению, хорошо знал. Воронцов был явно не похож на предыдущих советских послов. В нем чувствовалась незаурядная образованность, спокойная простота и явная интеллигентность – та, глубокая и естественная, которая складывается у человека не одним культурным предшествующим поколением. Тогда, в посольском кабинете Во-

ронцова, я даже представить не могла, что через двадцать лет буду работать с ним рядом. Полагаю, что и у Юлия Михайловича тоже не возникло такой мысли.

Через некоторое время я поняла, что имею дело с очень добрым, высоконравственным и надежным человеком. Он так просто и легко помогал мне в некоторых затруднительных моментах моего сложного командировочного маршрута. Именно он достал в МВД Индии разрешение на мой въезд в Сикким, который в то время был новым и закрытым штатом; с его доброй помощью были вывезены книги, нужные для работы. Можно еще многое перечислить, но главное, что Юлию Михайловичу была присуща глубокая заинтересованность в культуре как таковой. И каждый раз испытывая чувство благодарности за помощь, я понимала, что советский посол был культурнейшей личностью. Это ощущали в нем и индийцы на самом высоком уровне. Ибо Индия с самых древних времен была страной истинной культуры. И еще меня поражало его доверие к людям. В нем не было чиновничьей подозрительности и унижающей трусливости. В нем жила при этом какая-то естественная смелость.

В ноябре 1979 года я оказалась в районе Великих Гималаев в Ладаке. Зима в тот год наступила рано, снега завалили перевалы, соединяющие Ладак с остальной Индией, связь прервалась. В это время один из крупнейших археологов академик Алексей Павлович Окладников, с которым я была хорошо знакома, приехал в Индию. На встрече с Воронцовым он спросил обо мне. Юлий Михайлович ответил, что я где-то в Гималаях.

– Как это «где-то»? – удивился Алексей Павлович. – Мне надо знать конкретно.

– Конкретно никто не знает, – сказал Воронцов.

Окладников рассердился.

– Успокойтесь, пожалуйста, – попросил Юлий Михайлович. – У Людмилы Васильевны есть одна интересная особенность. В каком бы глухом углу она ни оказывалась, в конечном счете всегда возвращалась домой.

– Вы думаете, она вернется? – спросил, успокаиваясь, Алексей Павлович.

– Совершенно уверен, – ответил Воронцов.

Я также в течение нашего знакомства с Юлием Михайловичем наблюдала за ним одну ценнейшую, с моей точки зрения, особенность: какую бы он должность ни занимал, он не менял ни своей благожелательности, ни манеры поведения, ни своих отношений с людьми. У многих из нас есть горький опыт, когда хорошо знакомый нам человек при должностном повышении менялся не в лучшую сторону. Воронцов – посол, заместитель министра иностранных дел, советник президента Российской Федерации по внешнеполитическим вопросам, представитель РФ при ООН – оставался всегда одним и тем же достойным человеком. Юлий Михайлович, с присущей ему истинной интеллигентностью, не позволял такой трансформации. Крупнейший и талантливый дипломат Советского Союза, а потом России, он был скромный, не любил, как у нас говорят, «высовываться» и всегда честно и мужественно выполнял те нелегкие задачи, которые ставила перед ним Родина.

Во время посольской работы в Индии он познакомился и подружился со Святославом Николаевичем Рерихом. Он был первым среди высоких мидовских сотрудников, кто понял и оценил, что сделала семья Рерих для России. Воронцовник в философские идеи этой семьи и проявил



Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, Ю.М. Воронцов, С.П. Капица. Штаб-квартира ООН. Нью-Йорк

незаурядную смелость в их оценке. Святослав Николаевич проникся к нему искренним доверием и не однажды говорил ему о своем намерении передать наследие своих родителей в Россию. И поэтому, когда в 1989 году в Москву пришло письмо Святослава Рериха, в котором он предлагал создать общественный музей имени Н.К. Рериха и передать в него наследие Е.И. и Н.К. Рерихов, при условии предоставления этому музею достойного помещения, Ю.М. Воронцов, будучи заместителем министра иностранных дел, включился в этот процесс со всем своим мужеством, умением разбираться в сложной ситуации и поддерживать ту сторону, которую считал главной в этом деле. А ситуация сложилась в это время не только сложная, но и тяжелая. На бесценное наследие Рерихов претендовали высокие государственные чины, Министерство культуры, известные музеи, некоторые закрытые ведомства, ряд обществ Рериха и т. д., и т. д. Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Главная группа, к которой обратился Святослав Николаевич, состояла из бывших членов Комиссии по наследию Рерихов, созданной Министерством культуры. В нее вошла и я. Обо всем этом когда-нибудь будет написана книга. Статья же – слишком малое пространство для таких подробностей. Несколько забегаю вперед, хочу сказать, что, если бы не мужественная и талантливая помощь Юлия Михайловича, вряд ли наследие попало в нужные руки. Можно смело утверждать, что Воронцов был в это время единственным высокопоставленным лицом, которое содействовало созданию Советского Фонда Рерихов (СФР) и вывозу рериховского наследия в Россию. Хорошо разбираясь в обстановке, сложившейся вокруг наследия, он держал руку на пульсе этой борьбы, содействуя хорошо известной группе рериховедов в получении этого наследия, с которым они могли бы научно работать.

Юлий Михайлович вместе с Раисой Максимовичей Горбачевой присутствовал на учредитель-



Ю.М. Воронцов на открытии выставки в МЦР, посвященной 100-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха. Слева – директор Музея имени Н.К. Рериха Л.В. Шапошникова, справа – Е.М. Пфимаков. Октябрь, 2002



Слева направо – президент Международной ассоциации фондов мира А.Е. Карпов, председатель Счетной палаты РФ С.В. Степашин, президент МЦР Ю.М. Воронцов, директор Музея имени Н.К. Рериха А.В. Шапошникова. 16 октября 2002 г.

ном собрании, где был создан СФР, целью которого являлась материальная поддержка будущего музея имени Н.К. Рериха. Вместе с руководством Фонда он встречал Святослава Николаевича Рериха, прибывшего в Москву с визитом по поводу организации СФР, помог организовать для пресс-конференции зал в пресс-центре МИДа, поселить Святослава Николаевича и Девиду Рани в правительственном особняке на Ленинских Горах, куда потом часто заходил проводить Святослава Николаевича, чувствовавшего себя не очень здоровым. Можно еще долго перечислять то, что было сделано Юлием Михайловичем в эти знаменательные дни ноября 1989 года. Временами я видела, что Ю.М. Воронцов обеспокоен и взволнован. К тому времени я уже понимала, какие значительные силы участвуют в борьбе за наследие, имевшее не только художественно-интеллектуальную, но и большую материальную ценность.

Через неделю после знакомства с работой СФР Святослав Николаевич передал мне письмо, в котором официально приглашал меня в Бангалор для работы с наследием. Я показала письмо Юлию Михайловичу. Он искренне обрадовался.

– Поздравляю вас, – сказал он, – но надо делать все скорее.

– Есть для этого основания? – поинтересовалась я.

– Еще какие. Но не беспокойтесь, будем работать.

Все началось с задержки визы. На нее почему-то в соответствующих инстанциях терялись документы. Всегда спокойный и уравновешенный, Юлий Михайлович теперь стал раздражаться. Таким я видела его впервые и понимала, что дело принимает серьезный оборот. Прошел декабрь – визы не было. Не было ее и в январе. Наконец она появилась в начале февраля. Воронцов воспрянул духом. Но на командировку нужны были деньги. Выяснилось, что никто их не собирает мне выдавать. Тогда, при советской власти, рубли не обменивались на доллары.

– Ну что ты скажешь? – сердился не на шутку Юлий Михайлович.

Через несколько дней мы встретились с ним в индийском посольстве, я уже не помню, по какому поводу был прием. Юлий Михайлович отвел меня в тихое место и сказал:

– Людмила Васильевна, вам надо срочно уезжать. Поезжайте. А я постараюсь выбить деньги. Захватите с собой копченой колбасы и варите из нее суп, чтобы не умереть с голоду. По-иному не получается.

И я, не откладывая, улетела в Индию.

Прием в нашем посольстве оставлял желать лучшего. Меня в чем-то подозревали, допраши-

вали и старались задержать. Помог мне человек Воронцова, и я отбыла в Бангалор. Варить суп из копченой колбасы мне не пришлось. Проницательный Святослав Николаевич понял в чем дело и велел своему повару кормить и меня. В течение двух месяцев мне так и не удалось получить деньги ни от посольства в Дели, ни от нашего консульства в Мадрасе. Я понимала, как трудно приходится Юлию Михайловичу, и не стала его беспокоить.

К марту 1990 года моя работа над наследием уже подходила к концу. 19 марта в присутствии

нотариуса С.Н. Рерих подписал документы о передаче СФР наследия Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов. Через пару недель, развернув газету «Хинду», я увидела сообщение о том, что на следующий день в Дели приезжает советская делегация во главе с председателем Верховного Совета СССР А.И. Лукьяновым. Лукьянова сопровождал заместитель министра иностранных дел Воронцов. Попросив у Святослава Николаевича в долг денег на билет, я в тот же день вылетела в Дели. К счастью, в это время в посольстве работал зять Юлия Михайловича, Во-



Президент МЦР Ю.М. Воронцов открывает торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения С.Н. Рериха. Колонный зал Дома Союзов. 13 ноября 2004 г.

лодя Грачев. Володю долго уговаривать не пришлось. Утром меня провели в пустую комнату и попросили подождать. Через час вошел Юлий Михайлович, перед которым я положила документ о передаче наследия. Некоторое время Воронцов внимательно его изучал, потом откинулся на спинку стула и протянул мне руку для пожатия.

– Поздравляю вас, – сказал он. – Вы сделали большое дело. Теперь, как бы то ни было, Россия получит бесценное наследие Рерихов.

Потом задумался и неожиданно спросил:

– А как у вас с деньгами?

– Никак, – ответила я.

Он как-то странно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Вскоре после отъезда делегации из мадрасского консульства мне привезли деньги за целых три месяца.

Тогда Юлий Михайлович сказал мне, что делать дальше с наследием. Речь шла о спецрейсе для его вывоза в Москву. Я должна была через нашего посла выслать Воронцову письмо с просьбой о таком рейсе, что и было сделано, как только все наследие оказалось упаковано и готово к перевозке. Был конец апреля 1990 года.

Дальше события я описываю, как мне рассказал о них сам Воронцов. Когда из нашего посольства в Дели в МИД пришло мое письмо, Юлий Михайлович отправился с ним к председателю Совета Министров СССР Николаю Ивановичу Рыжкову. В кабинете Рыжкова и состоялся странный и неприятный разговор, который Юлий Михайлович, по его словам, запомнил на всю свою жизнь. Рыжков, ничтоже сумняшеся, заявил Воронцову, что не даст никому никакого рейса, поскольку Юлия Михайловича попросту обманули по части получения наследия. Воронцов пытался объяснить председателю Совмина, что сам лично видел и читал документ о передаче наследия СФР.

– Что такое СФР? – возмущенно спросил Рыжков. – Кто его придумал? А что касается самого Рериха, то, говорят, старик выжил из ума.

Не считая возможным отвечать на такие обвинения Рыжкова, Юлий Михайлович вышел из правительственного кабинета, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка. Он даже не



Пресс-конференция МЦР в РИА «Новости». 11 ноября 2004 г.

ожидал от себя такого, но считал, что сделал все правильно. В этот же день он положил ходатайство о спецрейсе в Бангалор на стол М.С. Горбачеву. Михаил Сергеевич, выслушав короткую, но выразительную речь Воронцова, подписал ходатайство. Однако дальнейшие события, в которых участвовала я, развивались не к лучшему. Спецрейс прилетел в Индию, но кто-то влиятельный и опытный по части различных интриг сделал тогда все, чтобы самолет не приземлился в Бангалоре, а вернулся в Москву без наследия и таким образом подтвердил правоту Рыжкова или его советников. Естественно, обо всем происходящем я тогда ничего не знала, но о желании кого-то не сажать спецрейс в Бангалоре мне стало известно во второй половине того дня, когда он должен был взять на борт наследие Рерихов. Время приземления самолета было назначено на 12 часов ночи. До этого часа надо было успеть противостоять этому «кому-то». И я успела. Но как – это уже другой сюжет. Когда самолет приземлился в Ташкенте, я не покинула его, оставшись вместе с грузом наследия, по известной причине. Пришел кто-то из экипажа и сказал, что меня вызывает Москва. Понимая всю опасность происходящего, я отказалась покинуть грузовой отсек и попросила летчика узнать, что Москве от меня нужно. Он ушел в здание аэропорта и через некоторое время вернулся.

– С вами хочет поговорить Воронцов. Он спрашивает, как вы себя чувствуете.

– Передайте ему, что у меня пока все в порядке.

Летчик опять ушел в здание аэропорта, а я поняла, что Юлий Михайлович все знает и, не получая никаких сведений о полете спецрейса, связался со мной. Мы приземлились в Москве глубокой ночью. В иллюминатор я увидела, как по взлетному полю бежали телевизионщики, освещая себе путь софитами. Я стала спускаться по узкой металлической лесенке и вдруг заметила быстро шагнувшего к самолету Юлия Михайловича. Он подошел и, протянув ко мне руки, почти снял меня с шаткого трапа. Затем, обхватив меня за плечи, хорошо потрянул и негромко спросил: «Жива? Жива?» А потом уже обычным голосом поздоровался со мной. Мы подошли к раскрытому грузовому отсеку, откуда на платформах, заплетенных сетями, выезжало драгоценное наследие старших Рерихов. А Воронцов, наблюдая эту картину, приговаривал:



Ю.М. Воронцов в имении С.Н. Рериха в Тагауни. Октябрь 2004 г.



Открытие выставки в Российском центре науки и культуры в Нью-Дели. Слева направо – президент Общества индийско-русской дружбы Б. Бхагат, директор РЦНК Ф.А. Розовский, президент МЦР Ю.М. Воронцов, спикер индийского парламента Сомнатх Чаттерджи, бывший министр правительства Индии Васант Сатхе

– Ну ты подумай, ты подумай. Все-таки все дошло наконец.

Наследие уже перегружали сотрудники СФР на подъехавшие к самолету грузовики, а Воронцов все стоял и не мог оторвать взгляд от всего происходящего. Наконец он повернулся ко мне.

– Ну, теперь все кончилось, – сказал он и засмеялся.

– Все теперь только начинается, – заметила я.

Он внимательно посмотрел на меня и произнес фразу, которую я запомнила на всю жизнь:

– Выстоим, я рядом с вами.

Действительно, он был рядом с нами – и когда был представителем России в ООН, и когда сидел в кремлевском кабинете рядом с Б.Н. Ельциным, и когда возглавлял наше посольство в Вашингтоне. Каждый раз, бывая в Москве, он обязательно заглядывал в усадьбу Лопухиных, где обосновался СФР, – после распада СССР, по желанию самого Святослава Николаевича, Международный Центр Рерихов. Развал великой державы Юлий Михайлович пережил тяжело. Будучи проницательным и талантливым политиком, он многое уже тогда предвидел и не хотел с этим мириться.

В 1999 году он окончил свою работу в США и ушел на «вольные хлеба». Я до сих пор не знаю, действительно ли это было его желанием или опять-таки «кто-то»

не захотел его видеть на высоких постах. Чиновничья зависть всегда шла по пятам за этим крупнейшим российским дипломатом.

Вернувшись на родину, Ю.М. Воронцов вскоре приехал в МЦР. Мы в то время немало отреставрировали в усадьбе и сделали это на пожертвованные нам для этой цели деньги. Юлий Михайлович осматривал вновь отремонтированные помещения, восхищался качеством работ и вспоминал, какой вид имело главное здание усадьбы еще несколько лет назад, когда с потолка падали кирпичи, не было полов и приходилось прыгать по балкам.

– А помните, – сказал он, – как я называл ваш кабинет в разрушенном здании?

Я почему-то не помнила.

– Ну как же, – засмеялся он, – блиндаж маршала Шапошникова. Тогда здесь еще не было электричества и вы сидели при свече, а теперь посмотрите, как вокруг все сияет.

Уже стемнело, и мы спустились по вновь созданной казаковской лестнице во двор. Прощаясь со мной, он стоял у машины, элегантно одетый,

высоколобый человек, и что-то в нем было не совсем уверенное, я бы сказала, даже растерянное. Я понимала, что он вернулся в совсем другую страну, и еще многое для него в ней было странным, а иногда и просто неприемлемым.

– Я буду сюда приходить, – сказал он, – здесь как-то мне становится спокойно.

Я промолчала, ибо уже давно у меня созрела мысль предложить Юлию Михайловичу стать нашим президентом. В конце концов все сложилось так, что он оказался одним из основателей Музея имени Н.К. Рериха. Тогда, в те тяжелые дни, если бы не его помощь, вряд ли удалось вывезти наследие из Индии в полной целостности и сохранности. Но я не спешила с этим предложением. Юлию Михайловичу нужно было как-то приспособиться к этой новой стране, где было так много нерешенных проблем.

И наконец наступил день, когда я решилась.

– Я согласен, – ответил он просто. – Если вы считаете, что я с этим справлюсь, я согласен.

Конечно, я так считала. Он стал президентом МЦР в октябре 1999 года, и с ним наступил но-



Торжественная встреча, посвященная 100-летию юбилею С.Н. Рериха, организованная при участии главного министра штата Карнатака Дхарма Сангха. Октябрь 2004 г.



Ю.М. Воронцов открывает Международную научно-общественную конференцию «Живая Этика и наука». 8 октября 2007 г.

вый этап в нашей жизни. Он согласился, хорошо зная, в каком тяжелом положении находится МЦР. Нападки, правительственное постановление об изъятии у Музея усадьбы Лопухиных, суды с ведомством культуры, доносы в Генпрокуратуру, клевета в СМИ и многое другое. Но все это не остановило его. Полагаю, он хотел продолжить и завершить когда-то начатое им культурное дело. Как бы то ни было, он оказался лучшим из всех наших президентов как человек, глубоко заинтересованный в нашем деле, смелый и опытный стратег, думающий всегда в первую очередь об общем деле и понимающий, что такое культура для такой страны, как Россия. Он сдержал свое обещание и стоял всегда рядом с нами как надежный друг и единомышленник. Несмотря на то что Юлий Михайлович имел свободный режим ра-

боты в МЦР, он считал необходимым приходить сюда каждую неделю и решать вместе с нами накопившиеся вопросы. Он долго отсутствовал, когда уезжал в командировки, связанные с его должностью специального представителя Российской Федерации при Генсеке ООН.

Ситуация в МЦР по-прежнему оставалась напряженной и в XXI веке. Музей Востока удерживал коллекцию картин Н.К. и С.Н. Рерихов, которую Святослав Николаевич в своем завещательном документе передал МЦР; не были улажены моменты, связанные с признанием МЦР владельцем рериховского наследия; усадьба Лопухиных до сих пор не получила статуса безвозмездной аренды как некоммерческая организация, статус самой усадьбы на федеральном уровне оставался неясным; постановление Правительства

РФ, имевшее целью разрушить общественный Музей имени Н.К. Рериха и изданное на основании фальшивого документа, до сих пор не отменено: суды, в которых мы участвовали, чтобы поправить хоть немного нашу ситуацию, кончались не в нашу пользу. Нам противостояло, как ни странно, государственное ведомство культуры и один из его руководителей – М.Е. Швыдкой. Последнего Воронцов считал человеком мало порядочным. Он не мог понять, как деятель культуры, каковым считался Швыдкой, способен выступать против общественного музея и попирать волю дарителя наследия – Святослава Николаевича Рериха. Юлий Михайлович активно участвовал в нашей защите. Он сидел в судах вместе с нами, давал интервью в газетах, где выступал против Швыдкого, ходил к мэру Москвы Ю.М. Лужкову, стремясь добиться у него нового, справедливого постановления по МЦР, обращался в Счетную палату, пытаясь получить с ее стороны поддержку в деле возвращения в МЦР коллекции картин Н.К. и С.Н. Рерихов. Он открыто возмущался медлительностью и трусостью федеральных чиновников, а иногда и просто их алчностью. Они не выполняли своих обещаний, а порой шли на открытый обман.

Все эти государственные «новшества» огорчали Юлиа Михайловича до глубины души. В них четко просматривалось пренебрежительное отношение к культуре, и это было совершенно непонятно, а временами просто непереносимо для него. Будучи глубоко культурным человеком и хорошо понимая значение культуры для России, он мужественно и активно вступил на опасную, в наших условиях, ее защиту. Он открыто выступал в СМИ против клеветы, которую лили на МЦР «деятели культуры», дезориентированные и амбициозные члены различных рериховских обществ, а также против не порядочных журналистов, публиковавших клеветнические статьи против МЦР и его руководителей. Но несмотря на все

препятствия, музей рос и развивался, и в этом была немалая заслуга Ю.М. Воронцова.

Из бесед с Юлием Михайловичем я поняла, что он потерял уважение к чиновникам, но еще сохранял его к академической науке и ее носителям. Его нередко приглашали на академические собрания, и он, знакомясь с академиками, высоко ценил их труды. Но в жизни МЦР наступил период, когда эту позицию Юлиу Михайловичу пришлось пересмотреть. Высшая аттестационная комиссия, членами которой состояли многие академики, присвоила степень доктора наук



Ю.М. Воронцов и индийские гости в Музее имени Н.К. Рериха: министр иностранных дел Индии господин Я. Сингх (в центре) и посол Индии в России господин К. Рагхунатх (справа). 2003

автору работы о научных экспедициях Н.К. Рериха, написанной сотрудником Музея Востока В.А. Росовым и содержащей ряд значительных искажений в отношении интерпретации важных моментов в биографии Рериха. Росов также ввел в «научный оборот» бездоказательные клеветнические утверждения, он приписал Н.К. Рериху попытку вооруженного нападения на Тибет и стремление создать в Центральной Азии независимое государство, куда должна была войти и советская Сибирь. Таким же бездоказательным и клеветническим является и росовское утверждение, что Н.К. Рерих накануне Второй мировой войны был прояпонски настроен и поддерживал антисоветскую политику Японии. Немало в диссертации и других «новаций» подобного рода.

Я не берусь объяснять, зачем В.А. Росову все это понадобилось. Сейчас немало нравственно не обремененных журналистов и «ученых», занимающихся опорочиванием крупных деятелей русской культуры. Росов, безусловно, один из них. Важнее другое. Работа его была защищена как докторская диссертация в Петербургском университете. Среди оппонентов были доктора наук и академик В.С. Мясников. В связи с этим следует отметить одно важное обстоятельство. Ни докторская степень, ни звание академика не могут гарантировать универсальность знаний по всем сюжетам российской или мировой истории. Историческая наука, как и другие науки, обладает узкой специализацией, которая распространяется и на академические звания. Оппоненты, выступавшие на защите диссертации, не имели ни знаний по защищаемой теме, ни, естественно, публикаций по ней. Все решила не наука как таковая, а степени и звания оппонентов.

Мы узнали об этом не сразу, а когда диссертация уже была направлена в ВАК на утверждение. Не буду описывать ту интригу, автором которой оказался ВАК, и ту защиту не научной истины, а чести мундира докторов наук и академика, которая стала главным моментом для Высшей аттестационной комиссии. Уверенный в своей правоте и правоте руководства МЦР, Юлий Михайлович написал письмо в ВАК, выдвинув свои соображения о том, что такую диссертацию утверждать нельзя, что это вредно не только для науки, но и для внешнеполитических отношений России. Письмо не подействовало. Воронцов встретился с председателем ВАК. Беседа была расплывчатой, скользкой и не принесла результатов. Но Юлий Михайлович продолжал еще верить в академическую науку.

А тем временем защита чести мундиров развернулась в ВАК вовсю. Были предприняты раз-

личные уловки и бюрократические средства защиты. Все закончилось заседанием отделения истории Российской академии наук, которое возглавлял академик А.П. Деревянко. От решения этого заседания теперь зависела судьба докторской диссертации. Заседание проходило в помещении Президиума академии, которое почему-то называлось ротондой. Выступающим дали по 5 минут – время, достаточное для защиты мундира, но не для научной дискуссии. На этом «эшафоте», как назвал заседание Юлий Михайлович, мы сидели с ним рядом. Выступая, он говорил о том ущербе, который наносит диссертация Росова российским международным отношениям, говорил спокойно, убедительно и очень интересно. Академики выступали по-разному, некоторые из выступлений были просто недостойными. Но большинство склонилось к защите Н.К. Рериха. В конце заседания состоялось тайное голосование. Результат его потряс нас, особенно Юлия Михайловича. Все, кроме одного, академика Е.П. Чельшева, проголосовали за присвоение В.А. Росову степени доктора исторических наук. Я посмотрела на Воронцова, он стоял в зале растерянный и, я бы сказала, как бы униженный.

– Я сейчас с вами поеду в МЦР, и мы все обсудим. – Потом, помолчав, добавил с горечью и волнением: – Как же так? Это же Российская академия наук. Как же так? Они – академики, цвет нашей науки.

– Пойдемте, Юлий Михайлович, – попросила я, и мы стали спускаться по мраморной лестнице вниз.

Уже у наших машин я увидела, что он бледен какой-то неестественно прозрачной бледностью.

– Знаете, – сказал он, – я все же поеду домой, а завтра приеду к вам.

Назавтра он приехал в МЦР и пожаловался, что у него болит левая рука. Я посоветовала ему обязательно сходить к врачу. До сих пор не знаю, был он у врача или нет. На следующий день он уехал в командировку в Кувейт. По возвращении оттуда его забрала «скорая помощь» с диагнозом обширный инфаркт. Его сердце не выдержало академического заседания. Левая рука его болела от начинающегося сердечного беспорядка. Его увезли в больницу, откуда он уже не вернулся. Юлия Михайловича не стало 12 декабря 2007 года.

Для всех нас, работников МЦР и Музея имени Н.К. Рериха, эта смерть стала страшным ударом – и от ее неожиданности, и от ее необратимости. Было ясно, что такого президента, как Юлий Михайлович Воронцов, нам уже не найти. Мы ищем его до сих пор...

